

офицеры, мои поварищи, въ ожиданіи наградъ Царскихъ, легко шутили надъ моимъ уныніемъ и пасмурнымъ лицомъ; но я не легко ихъ слушалъ, не легко молчалъ! « Не жалѣй, брапець, » говорили они мнѣ, « что ты не былъ при осадѣ Сардаръ-Абада. Ты предсавишь себѣ не можешь, что мы памъ выперѣли! Не говоря уже о шраншейной жизни, подъ градомъ пуль и ядеръ непріятельскихъ, мы не имѣли воды, лошади наши корму. Грунтъ земли около крѣпости самый неблагодарный. Вопъ если шебѣ не случишя бытъ при осадѣ Эривани, гдѣ ты со своими 6-ми фунповыми пушками можешь надѣлать чудесъ, прославишья, вопъ шогда, дѣло другое! Тогда ты можешь досадовашъ, сердишья и, завидуя намъ, жаловашъ на свое счастье. Теперь же, пока еще. . » Не слушая далѣе ихъ шутокъ, я почно упѣшалъ себя надеждою бытъ при осадѣ Эривани, шѣмъ болѣе, что уже за три дня передъ симъ, два орудія моей роты, при Егерскомъ баталіонѣ, были посланы на правый берегъ Занги для прикрытія двухъ ротъ піонеровъ, долженствовавшихъ шамъ, въ осадахъ, пригошовишь шуры.

Но предсавъ мое опчаяніе! Поздно вечеромъ, 22-го Сентября, изъ приказовъ, ошданныхъ по корпусу, между прочимъ узнаю я, что 40-й Егерскій полкъ и моя 3-я легкая рота должны оспавашъя для прикрытія Эчміадзина; прочія-же войска, завшра, въ 12-шь часовъ выспушишь для

осады Эривани! Я вышелъ изъ себя.» «Нѣтъ!» — вскрикнулъ я не дочитавъ приказа, «нѣтъ! — я буду при осадѣ Эривани! буду безъ ропы, одинъ! — Какое несчастіе! Такимъ образомъ кончился кампанія и мнѣ не случилось быть ни въ одномъ дѣлѣ!» — Въ досадѣ я не могъ заснуть во всю ночь.

На другой день, чуть свѣтъ, я уже *выпросился* быть при осадѣ Эривани и, признаюсь шебѣ, первый разъ въ жизни измѣнилъ всегдашнему своему правилу, впрочемъ, кажешся, несо-всѣмъ благоразумному: куда не посылаюшъ — не запрашивайся; куда велѣтъ иди — иди. Мнѣ поручено было опъ монашпыря до Эривани до-сшавшп осадную артиллерію, со всѣми принадле-жащими къ ней снарядами, машинами и прочимъ.

24-го Сентября, по полудни въ 2 часа, про-нула первая 24-хъ фунсовая пушка; за нею другая, шрепя, чешвершая; потомъ два пудо-выхъ единорога, за ними 8 полупудовыхъ; по-шомъ ящики съ зарядами, арбы съ плашформами, и наконецъ, на лошадяхъ и волахъ, изнурившихся прудными, необработанными по горамъ дорогами и худымъ подножнымъ кормомъ, пшнулось до семи сопъ вольнонаемныхъ арбъ и повозокъ съ бом-бами, ядрами, порохомъ и прочимъ. Рускіе, Мо-сковской губерніи, извошпки, Нѣмцы изъ колоній, поселившихся около Тифлиса, Грузины, Армяне, Турки, Ташары — каждыя, желая быть впереди

другихъ, шорошились запрягать свои повозки; всѣ суешились, шумѣли и самовольно выѣзжая всѣ вдругъ, спалкивались, шѣснились, кричали. Пока движеніе было приведено въ порядокъ, Ше-мецъ бранился съ Ташариномъ, Турокъ съ Рускимъ, Грузинъ съ Армяниномъ.

Отъ монастыря до переправы чрезъ рѣку Зангу считаемся 10 верстѣ. Дорога прекрасная: ни одного пригорочка, но въ нѣсколькихъ мѣстахъ пересѣкаемая вязкими ручейками, она запрудила, оспанавливала движеніе парка. Не говорю уже объ осадныхъ орудіяхъ: каждый зарядный ящикъ, почти каждую арбу и повозку, по причинѣ совершенно изнурившихся воловъ и лошадей, надобно было выпаскивать людьми. Такимъ образомъ переходъ отъ монастыря до Занги, начавшійся въ 2 часа по полудни, кончился въ два часа по полуночи.

На другое утро, 25-го, съ зарею началась переправа черезъ рѣку. Спускъ былъ крутъ, извилистъ; дно рѣки чрезвычайно каменисто; на противоположномъ берегу подъемъ поже крутой, косогористый. Пока переправился послѣдній ящикъ, я охрипъ отъ крику, ослабѣлъ отъ непрерывнаго страха: каждую минушу я ожидалъ, и легко могло случиться, что опрокинешя или бомбовый ящикъ, или осадная пушка, въ коей безъ лафета 180 пудъ; поди тогда съ нею, возись — поднимай!

Но слава Богу! переправа кончилась благополуч-

но. Къ 3-мъ часамъ вечера вся осадная артиллерія, со всею длинною къ ней принадлежноспію прибыла и устроилась на правомъ флангѣ лагерь, въ 3-хъ верстахъ отъ Эривани, прошивъ южной спѣны.

Въ этотъ-же день я былъ назначенъ командиромъ демонширъ-башарей (изъ 6-ши полупудовыхъ единороговъ), которую предположили въ слѣдующую ночь послать прошивъ восточной спѣны крепости, въ 300 саженьхъ отъ оной, передъ форшпашомъ, на выгодномъ возвышеніи (*). Въ 50-ши саженьхъ правѣе сей башарей, между крайними домами форшпаша, въ саду, за высокою и твердою спѣною, для чепырехъ 2-хъ пудовыхъ морширъ, устроивалась кесель-башарей. Въ ночь все было сдѣлано и—упромъ, 26-го Сентября, съ разсвѣтомъ дня открытъ огонь. Морширы начали бросать бомбы еще съ полуночи.

Не успѣлъ я сдѣлать трехъ выстрѣловъ, вдругъ по всей восточной спѣнѣ, надъ пяпью огромными башнями, за клубились облака порохового дыма, и надъ моею башареею засвисшали неприятельскія ядра!

Сначала выстрѣлы ихъ были почти непрерывны и довольно мѣшки; но вскорѣ, когда мои старые бомбардиры и фейерверкеры, сообразясь съ разстояніемъ, начали садить гранаты, или прямо въ

(*) На холмѣ Георгіевскомъ.

амбразуръ, или близъ оныхъ въ брустверы башенъ, и взрывомъ, какъ фугасомъ, опдѣляли землю, погда выпрѣлы Персіанъ беспокоили насъ рѣже, хуже, и наконецъ, передъ полуднемъ, совершенно умолкли.

Послѣ обѣда и небольшого отдыха, въ два часа, опять пушкاري мои, съ большою охотою, принялись за уничтоженіе стѣнъ башенъ, съ коихъ непріятельскія орудія еще могли вредить нашимъ инженернымъ работамъ, долженспвовавшимъ начаться съ наступающею ночью. До самаго вечера спрѣлялъ я, какъ на практическомъ ученіи: рѣдко и мѣлко; съ крѣпости отвѣчали мнѣ 48-ю ядрами, и по съ двухъ башенъ — мимо, чрезъ верхъ. Передъ закатомъ солнца, мнѣ приказано прекратить пальбу. Сосѣдка же моя, кесель-башарей, не переспавала дѣйствовать. Бомбы ея, когда уже смерклось, высоко въ воздухѣ рисуясь звѣздочками, падали въ разныхъ мѣстахъ крѣпости и—коварныя! разрушая строенія, наводили ужасъ на жишелей и гарнизонъ. Но послѣдній, по приказанію Гассанъ-Хана, казался намъ бодрспвующимъ, смѣлымъ, ибо по захожденіи солнца, на прубахъ и барабанахъ играли въ крѣпости Англійскую зорю, и попомъ оклики часовыхъ: *Сар-басъ!* густо распавленныхъ за спѣнами, не переспавали во всю ночь.

Вскорѣ по захожденіи солнца, до двухъ тысячъ человекъ рабочихъ, съ ломами, кирками и лопат-

ками, рассыпавшись по обѣ стороны сѣверо-восточнаго угла, во 110-ши саженьяхъ ошъ рва, начали рыть траншею первой и послѣдней параллели.

Въ 8-мъ часовѣ должна была взойдти полная луна и освѣтитъ работы; но до 11-ши часовъ намъ покровишельсповали темныя облака.

Во все это время Генераль Паскевичъ, облокотившись на единорогъ моей бапарен, смотрѣлъ на воспокъ и, казалось мнѣ, ежеминушно ожидалъ измѣны своимъ смѣлымъ предпріятіямъ. Черныя густыя облака, плавающія на воспокъ, по расходились, по сближались; между ими восходящая луна бросала слабый свѣтъ на наши работы; кромѣ сего, спукъ ломовъ и кирокъ по большой часни о каменнспую землю, громко ошзывался, былъ слышанъ далеко: по и другое безпокоило Корпуснаго Командира до шѣхъ поръ, пока онъ получилъ извѣспіе, что уже наконецъ рабочіе внѣ опасности: онъ успокоился, сѣлъ на коня и поскакалъ въ лагерь.

Топчасъ послѣ его отъѣзда, заслонявшія нашу работу облака разошлись и полная луна ошкрыла Персіанамъ дѣйсвіе! Тогда шолько съ нервыхъ и со вшорыхъ спѣвъ крѣпосши, соединяющихся у юго-восточнаго угла, ошкрылась сильная ружейная пальба, но поздно: выспрѣлы не могли уже вредитъ работающимъ. Нѣскольکو гранатъ, пущенныхъ съ командуемой мною бапарен, пош-

часъ заспавили молчаніе неприцельскихъ стрѣлковъ.

Къ утру работа кончилась пѣмъ, что вся параллель, огибающая юго-воспочный уголъ Эривани, была кончена, и съ ея лѣваго фланга, съ разсвѣтомъ дня, 27-го Сентября, спала дѣйствоваша другая, изъ 6-ти полупудовыхъ единороговъ, демонпиръ — бапарей и при ней двѣ 2-хъ пудовыхъ морпирь.

Нѣкоторые изъ крѣпостныхъ башенъ, поправленные въ ночь, вздумали было съ утра стрѣлять по нашимъ демонпиръ-бапареямъ; но къ полудню заспавили ихъ не только замолчаніе — заложивъ камнями амбразуры!

Вечеромъ опять въ крѣпости на трубахъ и барабанахъ *Персіане* играли *Англійскую* зорю, и опять за всѣми спѣнами слышны были ночные сигналы часовыхъ; но уже не съ такою, какъ вчера, смѣлостію: на трубахъ играли менѣе и дрожащимъ голосомъ; часовые кричали рѣже и тише. Шестъ нашихъ морпиръ не переспавали безпокою крѣпость ни на одну минуту; въ сію ночь на правомъ флангѣ траншеи, прошиву часни спѣны, идущей опъ юго-воспочнаго угла, для 6-ти осадныхъ орудій и 8-ми полупудовыхъ единороговъ, была сдѣлана вновь бапарей. И всѣ сіи орудія въ ночь были привезены изъ лагеря, поставлены на свои мѣста и въ 6-ть часовъ утра, 28-го числа, со всѣхъ бапарей — 32 орудія опъ

крыли сильнѣйшую кононаду! Демонпирь и кесель-бапарей (12 единороговъ $\frac{1}{2}$ пудовыхъ, и 6 морпирь 2 пудовыхъ) дѣйствовали по крѣпостнымъ строеніямъ и по орудіямъ, осмѣливающимся выглянуть изъ полуразрушенныхъ амбразуръ Эриванскихъ башенъ, а осадныя 14-ть орудій (*) громил юго-восточную башню и часть идущей отъ нея стѣны, гдѣ положено было сдѣлать проломъ. Такимъ порядкомъ 32 орудія гремѣли во весь день безъ умолка. И доселѣ гордыя, доселѣ непобѣдимыя стѣны Эривани, запыляющіяся густыми облаками собственной своей пыли, смѣшавшейся съ чернымъ дымомъ разрывающихся въ нихъ бомбъ и гранатъ, съ прескомъ и шумомъ, большими глыбами обрушивались въ крѣпостной ровъ. По закапѣ солнца, уже не было слышно, какъ прежде, въ крѣпости Англійской зори и часовые гдѣ-гдѣ изрѣдка паянули ночные сигналы!

29-го Сентября осадная артиллерія продолжала разрушать атакованную башню и часть восточной стѣны; лѣвая демонпирь-бапарей изъ 4-хъ единороговъ дѣйствовала по той-же башнѣ и по части идущей отъ нея южной стѣны; оспальными-же двумя единорогами уничтожила укрѣпленную надъ южными воротами башню. Саперы во весь день шли впередъ пихою сапою.

(*) Въ числѣ сихъ 14-ти дѣйствовали восемь полупудовыхъ единороговъ.

Въ апопгъ-же день приказано и сдѣлано: вечеромъ, въ сумѣрки, прошивъ западной стѣны крѣпости и на Иракліевоі горѣ поставили четыре легкихъ 42-пи фунтовыхъ единорога; прошивъ воспочной, нѣсколько правѣ кесель-башарей, были успроены спуски для Конгревовыхъ ракетъ.

И въ 40-шь часовъ, совершенно тихой и прѣмной ночи, началась прелесная для осаждающихъ и ужасная для осаждаемыхъ картина! Предспавъ себя, что со всѣхъ споронъ, кромѣ сѣверной, изъ 6-пи большихъ морширъ, изъ 40-пи маленькихъ (Кегорновыхъ), изъ 4-хъ легкихъ единороговъ, и съ 6-пи ракетныхъ спусковъ, при ужасномъ громѣ и шумѣ, оплогими и крупными пламенными дугами попянулись въ Эриванъ бомбы, гранаты и ракеты, гдѣ опяшь, новымъ огнемъ, предшесивующимъ разрыву, все громили, разрушали, жгли!

Между шѣмъ, подъ симъ пламеннымъ сводомъ, съ лѣваго и праваго фланговъ праншей, къ юго-воспочному углу крѣпости, до 1500 человекъ вели лепучія сапы!... Вдругъ съ полуразрушенныхъ стѣнъ и башенъ Эривани открыли по работающимъ сильный ружейный огонь и изъ двухъ орудій спали сыпаль каршечью.... Сію-же минушу приказано было работающимъ солдатамъ скрышся въ праншеяхъ. Персіяне расхрабрились: увеличивали число людей, усдывали огонь. Но зарѣвла наша осадная артиллерія, открыли огонь демонширъ-башарей—и въ крѣпости шопчасъ сдѣмалось

нихо по прежнему: ни одного пушечнаго, ни одного ружейнаго выстрѣла. Работа лелучихъ сапъ началась снова и безпрепятственно продолжалась до разсвѣта.

30-го Сентября опять дѣйствіе нашихъ бапареѣй началось съ упра и продолжалось до вечера, но уже гораздо слабѣе прочихъ дней, потому, что и бапни, и обѣ спѣны, возвышавшіяся сверхъ гласиса, были разрушены совершенно; амбразуры, изъ коихъ въ первые дни стрѣляли по нашимъ бапареямъ, также были разбины, лафеты, орудія повреждены. Намъ оставалось только взорвать конпръ-эскарпъ, и завала онымъ ровъ, наконецъ безъ помощи иншурмовыхъ лѣспницъ, по разрушеннымъ спѣнамъ, идши въ крѣпость.

Персіане видя, съ какою смѣлостію Рускіе, не только ночью, опражаемые ружейными и пушечными выстрѣлами, но и среди бѣлаго дня, сапами приближались къ гласису, и не имѣя возможности вредить намъ, приходили въ неизъяснимую робость: гарнизонъ и жишели просили Гассанъ-Хана скорѣе сдать крѣпость. Иначе, говорили они ему, Эриванъ непременно возьмется Рускими, и тогда уже мы не можемъ ожидать опъ нихъ ни малѣйшей пощады!

Предложеніе было опвергнуто. Но еще прошедшею ночью, во время сильной перестрѣлки, Гассанъ-Ханъ, съ нѣкопорыми ему преданными чиновниками, пробовалъ уйдши, и уже выѣхалъ изъ крѣ-

поспши; но наши козаки вспрѣпили ихъ ружейными выспрѣлами. Гассанъ-Ханъ, и вся находившаяся съ нимъ избранная свипа, опяпъ, опромепью, возврапились въ крѣпоспъ.

Не имѣя возможности ни уйдпи, ни защищанпся, и по извѣспнымъ его злодѣйскимъ поступкамъ съ подвласпными нашему Правипельспву пограничными народами, не имѣя ни малѣйшей надежды на снисхожденіе, Гассанъ-Ханъ, по неволѣ, рѣшился защищанп Эриванъ до невозможности.

Въ спрахѣ, вообразивъ себѣ, что мы, насупающею ночью непременно будемъ шпурмовапъ крѣпоспъ, онъ приказалъ приготопивипся къ сильному опраженію. Небо покpыпо было облаками.

Около полуночи, когда уже наши санѣры начали короновапъ гласисъ, и уже поспавленные шурры оставалось насыпанп землю, вдругъ всѣ спѣны Эривани освѣпились разными горючими вещеспвами, пакъ, что не только наши работы, рабочие, но и бапарем имѣ были видны какъ днемъ, и въ попъ-же моменпъ опкрылась съ крѣпоспныхъ спѣнъ сильнѣйшая пушетная и ружейная палба.

Самъ Корпусный Командиръ, Генералъ Паскевичъ, для лучшаго успѣха въ работахъ, находился шогда въ траншеяхъ. Прежде всего работающимъ на гласисѣ и въ ложаменпѣ приказано было уйдпи въ траншеи, и не дѣлая ни одного ружейнаго выспрѣла, беречь себя памъ опъ непріятельскихъ; бапаремъ-же по освѣщенной Персіянами крѣпоспѣи

приказано опкрышь сильнѣйшую канонаду. Черезъ четверть часа изъ траншеи приказано опкрышь ружейный огонь.

Я-бы желалъ , чшобъ ны самъ лично былъ свидѣлемъ сей ужаснѣйшей каршины ! Нѣтъ словъ описать ее въ полной силѣ ! Скажу тебѣ только , что всѣ чешыре стѣны Эривани , мало сказавъ , были освѣщены , какъ нельзя болѣе , нѣтъ ! онѣ , казалось мнѣ , всѣ были огненные и сыпали изъ себя градъ ружейныхъ и каршечныхъ пуль ! Въ это-же время до сорока нашихъ разнородныхъ орудій , не огонь—адъ , опкрыли прошивъ крѣпости ! 24-хъ фунтовыхъ пушки , по часни разрушенной стѣны , спрѣляли каршечами , а оспальныя громили ее бомбами , ядрами и гранапами . Теперь соедини въ воображеніи своемъ все это вмѣспѣ , и прибавъ еще къ тому съ обѣихъ споронъ громъ выспрѣловъ , прескъ и шумъ разрушающихся стѣнъ , спросеній , визгъ пуль , ядеръ , дикій крикъ гарнизона и воли несчастныхъ жипелей . . .

Разумѣется , что черезъ часъ крѣпость должна была замолчавъ , скрывъ яркіе огни и спряшавъся во мракъ шемной ночи .

Надобно тебѣ сказавъ , что со времени обложенія крѣпости , всякій день по нѣскольку чело-вѣкъ уходило изъ Эривани къ намъ на бапарей , и всѣ единогласно говорили , что крѣпость не будешъ долго державъся ; что Гассанъ-Ханъ ду-

маешъ не о защитѣ ея, а о побѣгѣ; что и между жипелями и между гарнизономъ начинаешся и расшепъ ропопъ.

Сперва симъ разсказамъ мы охопно вѣрили; но послѣ смѣлоспи, копорую Персіане показали намъ въ послѣдніа двѣ ночи, мы уже спали полагапъ, что Гассанъ-Ханъ будешъ пропивишся до самой крайноспи, и слѣдовапельно, пока окончится минёрная работа, пока обрушатъ конспръ-эскарпъ и завалашъ имъ ровъ, пройдепъ еще, по крайней мѣрѣ, дней шеспъ, семь. Прожишъ-же послѣдніе 15-пъ дней угрюмаго Сентября въ шраншеяхъ, а припомъ въ непрерывныхъ работахъ, безъ сна, надобно имѣшъ здоровье, да и здоровье. Я уже чувспшовалъ себя слабымъ.

Такъ какъ наша артиллерійская работа гораздо ушла впередъ инженерной, ш. е. мы уже разрушили спѣны, видимыа чрезъ гласисъ, а они еще на начали минёрной работы, по, для сбереженія орудій и лафетовъ, мы должны были уже спрѣляшъ изрѣдка, полько лишъ для продолженія спраха.

На другой день, 1-го Окпября, со всѣхъ нашихъ бапарей почпи еще не начинали спрѣляшъ, какъ вдругъ по всей воспоной спѣнѣ, особенно на ея разрушенныхъ часпяхъ, показалось множеспво народа, и одни, махая бѣлыми плапками, другіе шапками—всѣ кричали, что крѣпоспъ сдаешся; но между ими не было видно ни одного военного, даже Сарбаза.

Эта печальность всѣхъ удивила и, разумѣется, очень обрадовала. Нѣкопорые изъ Шпабъ и Оберъ-Офицеровъ, бывшихъ погда въ шпаншеяхъ и въ ложементѣ, увидя сіе, шопчасъ подошли къ гласису, и какъ могли, знаками объясняли споящимъ на стѣнахъ, чшобъ они, ни сколько не опасаясь, перешли къ намъ. Персіане поняли, и охотно одинъ за другимъ спали спускались въ ровъ, а изъ онаго, перейдя по узенькимъ плопинамъ водяной ровъ, карабкались на гребень гласиса и послѣ бѣгомъ собиравшись къ намъ на бапарей. Чрезъ нѣсколько минушъ уже собралось ихъ до 400 человекъ; за ними еще слѣдовали другіе. Кромѣ сихъ, съ южной спороны и съ сѣверо-восточнаго угла, также чрезъ разрушенныя части стѣнъ, начали слѣзати въ ровъ, сперва жипели, за ними, бросая ружья, аммуницію и даже мушкетеры, одинъ другаго шорони и обгоняя, перебѣгали и Сарбазы.

Вмѣстѣ съ симъ, когда и гарнизонъ и жипели Эривани безпреспанно увеличиваясь на восточной стѣнѣ и одни, махая бѣлыми плашками, кричали о сдать крѣпости, а другіе, прыгая и скапываясь по осыпаннымъ стѣнамъ въ ровъ, и шопомъ, вылѣзая изъ онаго на гласисъ, соединялись и бѣжали шолнами къ нашимъ бапареямъ; вмѣстѣ съ симъ, съ праваго и лѣваго фланговъ шпаншей, изъ числа резервныхъ войскъ, прикрывающихъ осаду, по два баталіона, колоннами — маршировали къ южнымъ и сѣвернымъ воронкамъ крѣпости.

Остановясь на самомъ гласисѣ, сдѣлали къ ногѣ, и гордо облокопясь на оружія, еще, можно сказать, не проспывшія отъ послѣдней переспрълки, хладнокровно ожидали, пока опшкроушся и распворяшся предъ нами вороша покоренной крѣпоспи, заваленныя камнями и засыпанныя землею.

Въ сіи минушы нѣкопорымъ образомъ всеобщаго мирнаго движенія побѣдителей и побѣжденныхъ, какъ ты думаешь, что я дѣлалъ и чувствовалъ? Негодование! Облокопясь на полуразвалившійся бруспверъ командуемой мною башарен, съ копорой въ продолженіи 6-ти дневной осады сдѣлано по Эривани до двухъ тысячъ выпръловъ, и надъ копорой — слѣдовашельно и надъ моею головою — просвиспала не одна соння непріятельскихъ ядеръ, я досадовалъ, что крѣпоспъ сдалась рано! Я не желалъ, чтобы дѣло дошло до шпурма—Боже сохрани! Но мнѣ хотѣлось, чтобы и послѣднее оставшее намъ препяшспвіе (глубокій водяной ровъ, еще и до сихъ поръ при храбромъ гарнизонѣ почипаемый Персіянами непреодолимымъ) было въ глазахъ нашихъ непріятелей уничтожено совершенно, ш. е. чтобы нѣсколько минъ и фугасовъ, опрокинувъ гласисъ въ ровъ, засыпали-бы оный собою, и соединясь съ разрушенною спѣною крѣпоспи, проложили-бы намъ въ оную дорогу безпрепятственную. — Тогда, по моему мнѣнію, сямъ послѣднимъ и ужаснымъ дѣйсвіемъ мы доказали-бы Персіянамъ, что всякая ихъ крѣпоспъ,

даже и самая непобѣдимая Эривань, пропиву Русскихъ войскъ и правильной ашаки если не болѣе, какъ—глиняный горшокъ.

Вороша въ гласисѣ, съ сѣверной стороны, были закладены каменьями и засыпаны землею. Генералъ Красовскій приказалъ ихъ сверху опрыскать ниппиками и самъ первый перелѣзъ въ ровъ; за нимъ послѣдовали: Генералъ Лаппевъ, Адъютанты ихъ и дивизіонный Оберъ-Аудиторъ Бѣловъ. Всѣ они подошли къ самымъ ворошамъ (въ 4-й шагъ). Огромныя, окованныя желѣзомъ ворота были заперты; за ними былъ слышанъ шумъ, похожій на несогласіе, споръ. Генералъ Красовскій приказалъ Бѣлову, знавшему хорошо Таптарскій языкъ, сказанъ шумящимъ, чтобъ ворота сію-жъ минушу были распворены. Оберъ-Аудиторъ, человекъ молодой, хорошо образованный и подававшій о себѣ прекрасныя надежды въ будущемъ, стоя у самыхъ ворошъ, сквозь большую щель началъ говорить имъ слова Генерала. . . Вдругъ раздался сильный выстрѣлъ. . . Оберъ-Аудиторъ свалился съ ногъ и залился кровію. Генералъ былъ обрызганъ его мозгомъ.

Большая мѣдная фалконетная пуля снесла съ головы его черепъ. Это былъ послѣдній выстрѣлъ, послѣдняя пуля и — послѣдняя жертва.

Генералъ Красовскій, рассказывая объ этомъ роковомъ случаѣ—плакалъ. Бѣловъ во всѣхъ ошпошеніяхъ былъ человекъ опличный; предавъ

Январь 1828.

42

Генералу и въ полной мѣрѣ заслуживалъ его довѣренность, и любовь. Въ ужасный день 17-го Августа, въ жестокомъ сраженіи при Ушаганѣ, эпонгъ преданный молодой человекъ, какъ щѣнь, слѣдовалъ за Генераломъ въ чрезвычайныхъ опасностяхъ.

Последній выспрыгъ былъ сдѣланъ самимъ Гассанъ-Ханомъ. Во все время осады злодѣй жилъ подъ крѣпкими сводами воропъ въ небольшой комнатѣ. Здѣсь онъ былъ безопасенъ отъ нашихъ бомбъ, могъ при первомъ случаѣ, какъ уже и сдѣлалъ было, убѣжать изъ крѣпости и при сихъ подыхъ намѣреніяхъ саблею удерживалъ всѣхъ осмѣливавшихся оспавить крѣпость. Въ южныя воропа не смѣли выходить изъ крѣпости поному; что вся эпа спорона была апакована нами.

Вскорѣ послѣ смерти Бѣлова воропа были опворены. Генералъ Красовскій съ бапаліонами вошелъ въ крѣпость и опмысавъ злодѣя Гассанъ-Хана и подобнаго ему Коменданпа крѣпости Нованъ-Кули-Хана, съ нѣсколькими еще другими важными чиновниками, сбѣжавшимися въ маленькую комнату мечеши, обезоружилъ всѣхъ и приспавилъ къ нимъ караулъ. Почпи въ эпо-же время и я, изъ любопытства видѣвъ Эриванъ, поскакалъ къ южнымъ ея воропамъ, чрезъ кои, не прежде получаса и по съ большимъ прудомъ могъ пробраться въ самую крѣпость. Тѣснопа выходящаго и входящаго народа была чрезвычайна! Одни изъ жипе-

лей, только что предъ симъ чрезъ разрушенныя стѣны прибѣжавшіе къ намъ на бапарей, гдѣ были ободрены ласками офицеровъ и увѣрены, что наши солдаты, занявъ Эривань, не сдѣлають ни кому, даже ребенку, никакой обиды, съ радостными лицами спѣшили возвратиться въ свои дома къ оспавленнымъ женамъ и дѣтямъ. Напрощивъ того, оспававшіеся въ крѣпости, въ особенности Сарбазы, напуганные ложнымъ спрехомъ, что Рускіе войдя въ Эривань не оставяють камня на камнѣ и все предадутъ огню и мечу, поропились выходить вонъ, за крѣпость; но спалкиваясь и спѣсясь съ первыми въ двухъ извиленныхъ воропахъ (въ 1-й и 2-й стѣнѣ): всѣ на минуточку оспанавливались, давили одинъ другаго и наконецъ съ усиленіемъ прорвавшись, быстро разсыпались, одни по улицамъ Эривани, другіе во крѣпостному рву и за гласисомъ.

Но кромѣ шѣснопы и давки, въ воропахъ, во рву между стѣнами, вездѣ было завалено пистолетами, саблями, сумами, разбросанными папроками, Сарбазскими мундирами и Англійскими ружьями. Гарнизонъ, выбѣгая изъ крѣпости, гдѣ поспало, бросалъ и оружіе и аммуницію.

Улица, идущая опъ южныхъ воропъ, по копорой съ прудомъ могутъ разѣхаться два навьюченные осла, была заперта народомъ.

Наши бапаліоны въ два ряда спянулись для занятія карауловъ; по споронамъ ихъ, подлѣ про-

спыхъ, слѣпленныхъ изъ глины, по низенькихъ, по высокихъ стѣнъ, поились Тапары, хозяева домовъ; жены ихъ, съ дѣшми всѣхъ возрастовъ, закупанныя съ головы до ногъ разноцвѣтными покрывалами, спояли на плоскихъ крышахъ домовъ своихъ, приспособенныхъ къ стѣнѣ улицы и въ спрахъ, забывъ о грѣхѣ показывать лицо мужьямъ поспороннему, воздѣвали руки къ небу, и низко кланяясь проходящимъ и проѣзжающимъ Шшабъ и Оберъ - Офицерамъ, казалось, привѣщивали ихъ съ побѣдою. Въ поже время, мужья ихъ, безъ шапокъ, подбѣгали къ проходящимъ съ бапаліонами офицерамъ и съ убѣдительнымъ выраженіемъ лица, низко кланяясь, громко и непрерывно произносили: «караулъ, караулъ!» Это значило, что каждому хозяину дома, въ обезпеченіе его имущества, надобно было дать солдапа. Имъ не отказывали. — И каждый солдапъ залога, споя у воропъ, попъ часъ былъ угощаемъ бѣлымъ и еще теплымъ хлѣбомъ и виномъ.

Чѣмъ ближе подѣзжалъ я къ срединѣ крѣпости, тѣмъ улица спановилась извилистѣе, неопряшнѣе! Тѣснопа и суена людей, непрерывное и громкое ихъ пребываніе: караулъ, караулъ! были несносны!

Такимъ образомъ я проѣхалъ всю улицу; пропѣснился сквозь стѣверныя (во второй стѣнѣ) воропа, и не имѣя возможности продраться далѣе, пошчасъ вонъ изъ крѣпости; подлѣ второй

спѣны , повернулъ направо , и какимъ-то переулкомъ , сквозь небольшія ворота , въ первой спѣнѣ , въѣхалъ въ крѣпостной ровъ ; не спускаясь въ оный . Понимаешь-ли какъ это случилось ? Вотъ какъ : когда претолстныя и превсокія спѣны Эривани были взгромождены и укрѣплены множествомъ огромныхъ башенъ , тогда , спрошивъ оныхъ — вѣрнѣе-же правнукъ его — опспуля опъ первыхъ спѣнъ для бермы $3\frac{1}{2}$ сажени , началъ рыть и вырылъ ровъ , глубиною въ одну , шириною въ девять сажень ; выложилъ конпръ-эскарпъ каменьями , попомъ возвысилъ гласисъ опъ поверхноспи земли сажени на двѣ , и поже , въ одной опвѣсной линіи съ конпръ-эскарпомъ , выкалъ его каменьями . Но какъ опъ лѣваго , высокаго и скалистаго берега Занги , на коемъ утверждена четвертая западная спѣна Эривани , идешь каменистый , непослушный ни киркѣ , ни лому грунтъ , по покойникъ , неизвѣстный инженеръ , приказалъ рыть ровъ съ мягкаго мѣста , начинающагося опъ половины сѣверной и оканчивающагося , мимо восточной , поже у половины спѣны , южной ; опомъ ровъ наполняется водою ; остальное-же до Занги просиранство , правнукъ или кто другой , загордилъ превсокою , каменистою спѣною гласиса , и такимъ образомъ , не вынимая земли , соорудилъ сухой и превсокій ровъ .

Опъ сорока источниковъ , какъ увѣряютъ жители , разливающихъ воды свои по ошлогоспямъ

горь, возвышающихся близъ Сѣверной и Восточной стѣнъ Эривани, образуется рѣчка Кирхъ-Булахъ (сорокъ источниковъ). Ея быстрая вода капая на каменистому дну на юго-западъ, въ Зангу, шумящъ во 120 саженьхъ отъ восточной стѣны и, посредствомъ водопроводовъ, наполняющъ ровъ и довольсвующъ жищелей прохладною, какъ хрусталь чистую водою.

Доѣхавъ до осаждаемаго нами юго-восточнаго угла крѣпости, я удивился: разрушеніе стѣнъ и башенъ было невѣроятное, ужасное! Мнѣ кажется, что всемогущее время въ чешыре вѣка не сдѣлало бы того, что наша осадная артиллерія сдѣлала въ чешыре дня.

По развалинамъ взбѣжалъ я на первую стѣну, взглянулъ въ низъ на промежутокъ между стѣною и вшорую стѣною: тамъ оставленные биваки гарнизона; вездѣ лежатъ фашины, пурмы, хвороспъ и множество спроеваго лѣса: все это было приготовлено для починки разрушенныхъ стѣнъ и башенъ.

Южными воропами выѣхалъ я изъ рва, и поскакалъ на свою башарю. Былъ полдень: пора обѣдать и, послѣ шестидневной страншейной жизни, пора лечь спать.

На другой день, 2-го Октябрия, передъ южными воропами крѣпости, посреди огромнаго кадре, составленнаго изъ всѣхъ войскъ, было совершаемо Господу Богу молебствіе о побѣдѣ. Вся осадная

и полевая артиллерія, въ одну линію, сползла на лѣвомъ и крупномъ берегу Занги. Слѣдны Эривани были унизаны любопытными и уже успокоившимися жипелями. Съ первыми словами: *Тебѣ Бога хвалимъ* — раздаюся громовый выстрѣлъ первой 24-хъ фунтовой пушки; за нимъ послѣдовало *сто!*

Опъ сильнаго попрысенія воздуха, и безъ пого уже едва державшіяся, частыи слѣдны полуразрушенной Эривани посыпались въ ровъ, и многіе изъ жипелей, спокойно расположившихся между зубцами башенъ, начали спрыгивать внизъ на банкешъ и прыпашься за слѣдны.

За ситъ начался церемоніальный маршъ. Впередѣ шла регулярная кавалерія, за нею Казаки, шафъ Грузины, Ташары; потомъ пѣхопа и наконецъ, въ два орудія — дѣло небывалое! — разрушительница грозныхъ слѣдны Эривани — осадная артиллерія; за нею полевая.

Каждый эскадронъ, баталіонъ и каждыи два артиллерійскія орудія, были привѣтспвуемы Генераломъ Паскевичемъ: «*Съ побѣдой поздравляю, ребята!* . . .» Солдаты кричали: ура!

Послѣ парада, почтыи всѣ побѣжали въ крѣпосшь, а я, чувспвуя себя нездоровымъ, поскакалъ въ заняпой близъ бывшей моей башарей домикъ, гдѣ не было ни оконъ, ни дверей; въ немъ пролежалъ я пять дней.

6-го Октябрия, всѣ войска, прибывшія съ Генера-

ломъ Паскевичемъ изъ Кара-баба, выступили по Нахичеванской дорогѣ къ Тавризу; они еще были увеличены Кабардинскимъ полкомъ, двумя большими мортирами и двумя осадными пушками. Корпусный Командиръ выѣхалъ изъ Эривани 7-го; 8-го числа я переѣхалъ въ крѣпость, и—какъ ты думаешь: гдѣ и какова была моя палатка квартира?— Въ гаремъ Гуссейнъ Хана, Сардаря Эриванскаго, въ лучшей и пространинѣйшей изъ всѣхъ комнатъ!

Послѣ шести-дневнаго грома нашей артиллеріи и ираншейвой жизни, послѣ болѣзни, еще слабый, и только что оставивъ полуразрушенную на форштаптѣ квартирю, представъ себѣ мое удовольствіе и удивленіе, когда я вошелъ въ лучшую изъ всего гарема комнату! Въ первую минуту мнѣ представилось, что сама невыразимая радуга однимъ своимъ концомъ уперлась по срединѣ комнаты!— Я былъ обманутъ, и не мудрено: у самой подошвы высокихъ стѣнъ гарема шумъ быспропекущей Занги очень походилъ на опдаленный шумъ проливнаго дождя, а яркіе лучи заходящаго солнца, пропаянувшись въ комнату сквозь пустыя мѣста и щелочки множества разноцвѣтныхъ стеклышекъ, вспаленныхъ въ двухъ огромныхъ и мѣлко-рѣшетчатыхъ окнахъ, съ перваго взгляда, кажутся радугою. Но закапилось солнце и очарованіе исчезло. Я сползъ въ подвалъ, коего стѣны и сводъ, безъ всякаго пол-

ку, были угнѣлены проспыми зеркалами и испещрены арабесками.

Въ каминѣ, также какъ и стѣны, расписанномъ арабесками, пылали сухія дрова; я съѣлъ прошивъ огня, закурилъ трубку, и опъ нѣчего дѣлать, пустился мечпашъ.

Вообразилъ себѣ, что можешь быть въ этомъ зеркальномъ, распещренномъ, но за желѣзными рѣшешками казематѣ, незадолго передъ симъ обитала молодая, нѣжная и прелестная женщина; что можешь быть она, вырванная изъ нѣжнѣйшихъ объятій рыдающихъ по ней родителей и на вѣки разлученная съ ними, и еще могло спашься — съ человѣкомъ милымъ ея сѣрцу — здѣсь, на этомъ мѣстѣ, прошивъ эшаго камина, лишенная свободы и безъ малѣйшей надежды на будущее счастье, не разъ проливая горькія слезы и не разъ, несчастная! въ минуты жестокой горести, вдругъ была извѣщаема о посѣщеніи 70-ши лѣтняго варвара и прошивъ чувствъ своихъ — изъ страха, необходимости — должна была ласкаться престарѣлаго злодѣя!

На другой день, чуть свѣтъ, я осванилъ это варварское спроеніе и переѣхалъ внутрь крѣпости въ небольшой но изрядненькій домикъ.

По здѣшнему обыкновенію, всѣ спроенія, начинающія опъ лачуги до палатъ Сардаря, дѣлающіяся безъ крышъ; сверхъ пошолка насыпаются слой зе-

мли и послѣ намазывается слой глины, смѣшанной съ мѣлко испершою соломою — и полько!

Въ одной стѣнѣ на улицу у домика моего нѣтъ ни одного окошечка, ни одной щелочки; въ прошивуположной-же — окно большое, и пакъ же какъ въ гаремѣ, мѣлкорѣшетчатое, съ разноцвѣтными стеклышками. Когда опустишь раму, по свѣту въ комнашѣ, какъ въ чуланѣ. Она не опустилась у меня до перваго мороза, а памъ, вопреки Музульманамъ, въ стѣнѣ на улицу — велю прорубить большое Русское окно.

2-е.

Октября 12-го дня, 1827 г.

Радъ-бы душевно при семъ-же вѣрномъ случаѣ, въ эпомъ-же письмѣ послашь къ тебѣ, неперпѣливому, планъ Эривани съ ея окрешвоспями; но — подожди до весны.

Сказалъ-ли тебѣ правду? — Если ты получишь опъ меня планъ, разумѣется на веленовой бумагѣ, хорошо сдѣланный и еще лучше шого раскрашенный, то, безъ сомнѣнія, планъ тебѣ понравится, и ты пончасъ вспавишь его въ хорошія рамочки, за прозрачное стекло. Но ты не будешь имѣть и малѣйшаго поншпіа о наспоющей, какъ теперъ, послѣ осады ешь, крѣпости.

Слушай меня; я хочу тебѣ сдѣлать одолженіе:

возьми листъ просеиной карпузной бумаги; сложи его, какъ обыкновенно, поцоламъ; ошпыци въ домъ самыя шуныя ножницы, и попомъ, ошпыци ошъ края, по сгибу листа, дюйма шири — начинай рѣзать: сперва прямо, въ параллель края бумаги, на вершокъ не болѣе; послѣ, по немногу начинай заворачивать на право и кончи близъ самаго угла. Теперь разложи листъ на сполъ и знай, что грубый, шероховатый листъ бумаги будетъ означать глинистую, усѣянную камнями и весьма неровную поверхность мѣста, на коемъ взгромождена Эривань; край-же листа будетъ означать впорыя, внутрення спѣны крѣпости, изъ коихъ обрѣзанный — западная. Въ половинѣ сѣверной и южной спѣны означь ворота.

Теперь возьми прищупленное перо, обмакни его въ чернила; замѣшь ошъ сѣверо-западнаго угла къ югу четвертую часть листа и въ параллель сѣвернаго края спѣны начинай вести линію равную $\frac{1}{8}$ ширины листа; попомъ, подь прямымъ угломъ, заверни на право, и попомъ къ себѣ и пошчасъ опять направо до самаго края бумаги, т. е. до сѣверной спѣны. Сими чертами въ планѣ означилъ мѣсто спроектій Сардара.

Всю западную спѣну Эривани можно назвать мирною, ибо по всей ея длинѣ, кромѣ ружейной, и по слабой обороны, нѣтъ ни одной башни, ни одной пушченки, и припомъ спѣною очень краси-

вою, почти спеклянною. Вопшь почему: опшь съ северо-западнаго угла крѣпости начинаешся она лѣпними палапами Сардаря; подлѣ продолжаешся невысокою спѣною очень красиваго домика, предъ коимъ, и далѣе влѣво надъ Зангою, придѣлана галерея. Внушрняя опдѣлка домика во вкусѣ Азіятскомъ — опличная. Спѣны выштупапурены алебаспромъ, блестятъ какъ лучивій лакъ и не расписаны арабесками. Куда ни обернись—вездѣ зеркала; всѣ окна съ прозрачными большими спеклами: эшо рѣдкость, пѣмъ болѣе, чшо, какъ увѣряюшь, въ эшомъ свѣпленькомъ, щщательно опдѣланномъ, но за желѣзными рѣшетками, домикъ, жила любимѣйшая изъ женъ Сардаря. Спарикъ, сидя на галереѣ, находилъ удовольствіе любоваться красавицею, вѣроятно плѣнявшею его изъ - за желѣзныхъ рѣшетокъ.

Далѣе, подлѣ сего любимаго Сардаремъ домика, въ при эшажа возвышаешся западная спорона чешырехъ-угольнаго обширнаго гарема; высота спѣны до поверхности рѣки, по крайней мѣрѣ, 9 сажень.

Напослѣдокъ, уже за чершою, шобою проведенною, ш. е. за полсною, превысокою, съ зубцами для ружейной обороны, спѣною—почши до самаго юго-западнаго угла крѣпости, шже въ одинъ и въ два эшажа, продолжаюшся дома чиновниковъ и богачей, первыхъ по Сардарѣ. Всѣ сіи спроенія имѣюшь на западъ большія рѣшетчашыя, съ разноцвѣтными спеклышками, окна. Въ темный вечеръ,

когда во всѣхъ сихъ, днемъ мрачныхъ зданійхъ, пылають камельки и горятъ свѣчи—видъ изъ - за Занги превосходный. Теперь въ гаремѣ кварпируютъ Русскіе солдаты, 39-й егерскій полкъ.

Отъ южныхъ до сѣверныхъ воротъ, не швердою рукою проводи ломанную линію; подлѣ, какъ можно ближе, не вездѣ параллельную, пропаянн другую: будешь имѣть главную улицу Эривани. Ширина ея отъ 3-хъ до $4\frac{1}{2}$ шаговъ.

По главной улицѣ, опспуя отъ сѣверныхъ воротъ на два пальца, до черпы ограждающей спроеція Сардаря, проводи другія двѣ, почно пакія-же, ломанныя линіи, уклоняя ихъ печувспвипельно къ углу: получишь улицу, ведущую во дворъ Сардаря. На лѣвой споронѣ сей улицы, въ небольшомъ разстояніи отъ спѣнъ гарема, начерпи вершка въ волпора квадрапъ; онъ будепъ означать высокія кирпичныя спѣны двора и мечепъ, украшенную зеленымъ оспроконачнымъ куполомъ.

Отъ южныхъ воротъ, по воспочную спорону главной улицы, въ небольшомъ отъ оныхъ разстояніи начерпи пакой-же величины квадрапъ — это будепъ другая, кирпичная-же, но невысокая спѣна, ограждающая дворъ и мечепъ, лучшей архитектуры, построенную еще Турками во время младнїа ихъ Эриванью. По угламъ сей мечепи чепыре правильные купола и между ими лянпый, обширнѣйшїй, украшають спроеіе и дѣлають чепъ архипектору. Теперь, пока еще надъ каж-

дымъ куполомъ чернѣеть давно позолоченная луна ; но скоро смѣняпъ ихъ блестящія креспы , знаменіе и украшеніе христіанскихъ храмовъ. Изъ сей мечепи предположено сдѣлапъ церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы: въ сей день Эриванъ покорена нашему оружію.

Всѣ обчерченныя побоеу мѣста лучшихъ Эривани спроеній, порознь, закрой бумажками , и на оставшееся проспраншво , большоу кисточкою , черною краскою , брызни раза два, при ; и послѣ около каждой почки начинай обводишь разной величины правильные и неправильные чепырехъ-угольники ; два, при, даже , изрѣдка, чепыре можешъ соединяпъ вмѣстѣ и припомъ во всѣ спороны , куда только шебѣ вздумаетъ ; однакожъ наблюдай, чшобъ ошъ главной улицы, на право и на лѣво, до воспочной и западной спѣнъ крѣпоспи , между всячески соединенными , большими и малыми прямолинейными фигурами , подъ прямыми и косыми углами , ломанною линеею , оставались узенькіе промежутки : ими означаша переулки и закоулки Эриванскіе, шириною ошъ 2 до 3 шаговъ. Всякая черша и чершочка , проведенныя побоеу , будущъ означашъ по низенькія, по высокія, разной полспошы, глиняныя спѣны.

За сими глиняными, высокими и низенькими спѣнами , не рѣдко скрывающа красивыя (со двора) домики, комнапы и — жены.

Знаю, что по свойству карпузной бумаги планъ швой не будетъ походить ни на что: накрапленныя почки расплывутся; линіи, означающія спѣны и улицы, поже; но это ничего: шѣмъ болѣе сходства; выслушай почему.

Еще съ Апрѣля мѣсяца нынѣшняго года, когда авангардъ нашъ пронулся изъ Тифлиса, многіе изъ хищелей проспаннаго форшпапа и изъ окрестныхъ деревень Эривани, со всѣмъ своимъ имуществомъ, съ женами, дѣтьми, домашнимъ всякаго рода скотомъ и прочими принадлежностями къ сельскому быту, переѣхали въ Эривань, и по возможности всѣмъ помѣстившись въ домахъ, сараяхъ, даже въ конюшняхъ, расположились на бивакахъ, за первую и вперюю спѣнами, въ улицахъ, на не большихъ площадкахъ, въ мечепяхъ и вездѣ, гдѣ только была возможность прислониться. Эпа шѣсноша въ домахъ и кочевье внѣ оныхъ, продолжались до сихъ поръ, ш. е. до Октябрия. Въ продолженіи сего времени, Генераль Бенкендорфъ, со своимъ опрядомъ, блокируя Эривань, хопя изрѣдка, но спрѣлялъ по крѣпости до половины Іюня мѣсяца. Послѣ него Генераль Красовскій, до снятія блокады, дней 12-шь посылалъ шуда и ядра и гранапы. Наконецъ самъ Корпусный Командиръ Генераль Паскевичъ, присупи къ Эривани съ осадною артиллерією, бросилъ шуда, въ продолженіе 6-ши дней, до 7-ми штысячъ артиллерійскихъ снарядовъ, разнаго рода и калибра.

Теперь догадываешься-ли ты, что на юго-восточном плане, где больше другой какая-нибудь черточка расплылась, значить, что в шом мѣстѣ стѣна разрушена, или бомбою, или гранатою; где меньше, тамъ, уже опъ слабого удара ядра, только что осыпалась. О шочкахъ, означающихъ дома и домики, больше другихъ расплывшихся по бумагѣ, разумѣй по-же. Каково правдоподобіе? Того-же!

Въ параллель прямыхъ краевъ карпузнаго лиспа, на $4\frac{1}{2}$ вершка опъ оныхъ, хошь по шолу, проведи прямая линія—онѣ будутъ первыми стѣнами Эривани (въ напурѣ между стѣнами 5-шъ сажень); высота ихъ опъ 4 до 5-ши сажень, а во шпорыхъ опъ 5 до 7-ми; всѣ онѣ украшены зубцами и башнями (*) разныхъ высотъ и обширности. Съ нѣкоторыхъ, 6 и 7-ми саженной высоты, башень, на длинныхъ полевыхъ своихъ лафетахъ, батарейныя орудія во время осады дѣйствовали по нашимъ батареямъ; по сему ты можешь судить о швердости и обширности ихъ.

На ружейный выстрѣлъ опъ крѣпосныхъ стѣнъ начинаются первая шроенія обширнаго форшпаша, разбросаннаго въ садахъ по оплогоспямъ горы, огибающей Эриванъ съ шверной и восточной стороны. Особеннаго вниманія заслуживаетъ часъ форшпаша, примыкающая, противъ шверной стѣны, къ Зангъ: опъ сей рѣки, по дикимъ, обруб-

---

(*) Число башень до сихъ поръ не шисано мною 52.

спытъ скаламъ, а ошъ крѣпоспи по зеленѣющимъ оплогоспямъ, между садами, амфишешромъ возвышающіяся дома, до самаго верха горы; прошиволѣжащій берегъ Занги покрытъ прекрасными садами.

Съ узенькой и длинной деревянной галлерей, придманной къ любимому домику Сардаря, видъ на западъ еще лучше, даже очаровательный. Сидя на галлерей, можно сказащъ, висящей надъ Зангою, въ 6-ши саженьяхъ, влѣво, на юго - западъ за Араксомъ, видишь достопамятную, величественную и послѣ всемірнаго пошопы, первую приспань Ноева ковчеза — гору Арарашъ! Объ ея вѣчно снѣжную вершину раздробляющія бурныя облака. Ошсюда до горы 50 верспъ, но она кажепся близехонько. Прямо, по шу спорону Занги, пропивъ самаго гарема, видишь Ираклиеву гору. Между сею и правымъ берегомъ рѣки, въ Іюль мѣсяцъ, суще-спивовалъ прекрасно - успроенный садъ. Высокіе, часто, по шнуру, вдоль и поперегъ посаженныя пошопы, дѣлали аллеи сада тѣниспыми, прохладными и чрезвычайно красивыми. Въ квадрапахъ, между аллеями, росли фрукшопыя деревья, вились виноградныя лозы и зрѣли большія грозды лучшаго винограда.

Передъ осадомъ крѣпоспи эшопъ прекрасный садъ вырубленъ. Ошсалась одна посреди его красивая бесѣдка Сардаря, внупри очень хорошо украшенная арабесками, зеркалами и, очень дурно, неспромными поршпрепами здѣшнихъ красавицъ. Пра-

Январь 1828.

13

вѣе, за рѣкою Абаракомъ, также всегда покрывшая снѣгомъ, видна гора Алагезъ.

Внизу, между скалистыми, крупными берегами, кипишь и гѣнился быспрая Занга; чрезъ нее, на двухъ большихъ аркахъ, перегибается прекрасный каменный мостъ, по коему шуда и сюда движеніе непрерывное. Волгъ, на примѣръ, въ сію минуту съ этой стороны, на легкихъ красивыхъ жеребцахъ, подъ разноцвѣтными покрывалами, ѣдутъ здѣшнія женщины; не видя закушаннаго лица ихъ, для улучшенія каршины, можешь вообразишь себѣ, что онѣ всѣ — прекрасны. Пропивъ сихъ красавицъ, съ удивительною важностію идетъ по мосту пре-высокій и уродливый верблюдъ, неся на спинѣ своей два огромные, набитые хлопчатною бумагою, мѣшка; за нимъ смиренно слѣдуетъ *терпѣливый осель, немилосердо навьюченный* каменьями.

